

-- 20XX год, 8 марта, поздняя ночь... -- --

По дороге, пересекающей границу некогда процветающей страны, которая из-за страхов и интриг немногих, владеющих миром в своих руках, опустошена пламенем войны, одинокая человеческая фигура следует пешком.

В потертых и грязных остатках одежды, которые так отличаются друг от друга, кажется, были сорваны один за другим с разных людей - или тел - по пути, что-то похожее на молодого человека с покрытым сажой и высохшим лицом крови, он использует каждую унцию того немногого, что у него осталось, чтобы продвигаться вперед правой ногой, волоча почти бесполезную левую ногу по серому асфальту.

Телосложение у него очень худощавое, истощенное, под кожей отчетливо видны очертания костей лица, рук и ключиц. Кожа, которая так пострадала, в тех немногих местах, которые не загрязнены и не повреждены, можно увидеть, какая она серая, такая же сухая, как потрескавшиеся губы во рту.

В правой руке, на которой отсутствует безымянный палец, мальчик держит небольшой предмет: резиновый брелок в виде человека с черными волосами, в синем костюме с красным щитом на груди и в плаще того же цвета. на его спине. В отличие от одежды и самого мальчика, брелок находится в очень хорошем состоянии, что свидетельствует о заботе, с которой он ухаживал за ним до сегодняшнего дня.

Но молодой человек уже на исходе своих последних сил, идет все медленнее и медленнее, четыре пальца руки, держащей кольцо для ключей, ослабевают, позволяя предмету упасть на землю.

Заметив это, он останавливается и пытается нагнуться, чтобы поднять его, но его изрядно потрепанное тяжелыми временами тело не выдерживает, падает без сил.

.
. .

-- Вид от первого лица: Итан Джонс -- --

Мое лицо — это первая часть моего тела, которая падает на неровный асфальт, онемев от жажды, голода, истощения и всех других травм, которые у меня уже есть, до такой степени, что я ничего не чувствую от падения, я тру правую ладонь о землю. от всего сердца. спешка, которую позволяют мои условия... Прекращается только тогда, когда я снова чувствую связку ключей между пальцами.

Я заставляю свою усталую руку поднести руку с маленьким предметом к глазам, лежа на дороге, на последнем издыхании, не собираясь встать.

Мои почти безжизненные карие глаза смотрят на заднюю часть брелка, где написано: «С днем рождения, глупый брат! Чарли: лучшая младшая сестра!»

Небольшое движение еще функционирующих мышц на моем лице формирует меланхолическое выражение, как я помню тот день...

·
·
·

Это было теплым воскресным днем, 17 апреля, когда мне исполнилось 17 лет.

Я никогда не был большим поклонником типичного празднования с тортом, свечами и поздравлением с днем рождения, поэтому мы отправились на семейную прогулку в парк развлечений в моем родном городе. По правде говоря, парк развлечений тоже не был бы моим первым выбором места для свидания, но мои родители и моя младшая сестра получали массу удовольствия всякий раз, когда мы туда ходили, так что для меня это было идеально.

День прошел, как и ожидалось; сумев убедить Чарли не кататься в третий раз подряд на американских горках, мы прокатились почти на всех остальных аттракционах в парке - С правом родителей еще раз рассказать нам историю о том, как они первое свидание в том самом парке развлечений. -, и напивались всей нездоровой пищей, которую только можно было запихнуть в желудок.

Это был веселый, по существу невозмутимый день, и поэтому я надеялся, что он продолжится... И, конечно же, этого не произошло.

"Эй, эй, ты слушаешь меня, идиот брат?" Голос, который меня немного раздражал, отвлек мое внимание от красоты оранжевого неба к себе, к 13-летней девочке, идущей рядом со мной у моих штанов, конечно, к Чарли.

- Да, да, слышу... И ты ни капельки не чувствуешь себя виноватым в том, что "обидел" брата в день его рождения? Конечно, я не особо обидел, просто мне было приятно пожаловаться.

— И разве ты не чувствуешь себя виноватым из-за того, что плохо слушаешь свою младшую сестру, когда она собирается сделать тебе подарок на день рождения? — возражает она, заставляя меня кивать головой с нейтральным выражением лица. «Ваш контраргумент в силе, давай, на этот раз я послушаю».

Я, очевидно, владыка разума, благосклонно одарил ее своим вниманием после этого. Чарли закатывает глаза, привыкшая к моему странному юмору. "Знаешь что, просто возьми это... С днем рождения."

Она вытаскивает из одного из карманов небольшой резиновый брелок в форме моего любимого персонажа детства и подросткового возраста, Супермена. «Спасибо...» Я принял брелок. «Но ты же знаешь, что я уже прошел стадию поклонников комиксов, верно?»

«Я знаю, и те коробки, полные комиксов в твоем шкафу, тоже знают». Она саркастически ответила мне, не дав мне ответить должным образом, прежде чем устремиться к нашим родителям, которые были на несколько шагов впереди нас по дороге домой.

Я пошел за ней с кольцом для ключей в руке. «Эй, это действительно правда». Не совсем... Но отчасти это было правдой.

Превратившись в «маленького супермена», она находит «нежное» поздравление, которое она написала на нем. "Что? И ты даже испортил спину супермена, написав на них!"

Чарли оставался глух к моим попыткам отрицать и жаловаться всю оставшуюся дорогу до квартиры, где мы жили.

Через несколько минут мы уже были внутри кондоминиума и шли к зданию, где мы жили, когда Чарли привлек наше внимание, увидев что-то в небе.

— Это самолеты? — спросила она, с некоторым трудом определяя маленькие объекты, начинающие «расти» в красно-синей безбрежности сумерек... Это был последний раз, когда я слышала голос Чарли.

Все, что я помню после этого, это то, как я проснулась забинтованной на больничной койке. Врачи немного колебались, когда говорили со мной, в конце концов, должно быть трудно объяснить кому-то, что ваш город бомбили русские ракеты в день ее рождения, и вся ее семья теперь мертва.

Нападение на мой регион было только началом... Русские продолжали бомбить, вторгаться, опустошать мою страну. Из-за паранойи сумасшедшего в костюме была разрушена моя жизнь и жизнь миллионов других.

Но, конечно же, мир поддержал нас в этой несправедливой войне! Очевидно да! Державы Европы и Америки оказывали нам всяческую поддержку, присылая нам крохи своего оружия и произнося пустые речи о безопасности своих территорий, всегда вежливо прося правителя России прекратить все это... Лицемерие Противоречия их речей были просто не более отвратительны, чем смрад гниющей плоти, исходящий от разлагающихся тел моих сверстников, павших во время конфликта.

.
. .

Теперь, год спустя, лежа на шершавом асфальте, не имея больше ни физических, ни умственных резервов, я, наконец, чувствую, что моя жизнь начинает угасать, этот кошмар начинает заканчиваться.

Циркуляция небольшого количества крови, оставшейся в моих венах, постепенно замедляется, ощущение холода смерти, протянувшей свои костлявые руки, чтобы схватить меня...

«Мама, папа, Чарли... Скоро мы будем вместе».

Держа с собой свой последний подарок ко дню рождения, я посвящаю свои последние мысли семье, мирно принимая свой конец.

<http://tl.rulate.ru/book/87243/2800527>